

## ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДОЗНАНИЕМ: ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Эркинова Муслима Боходир кизи

докторант кафедры уголовно-процессуального права

Ташкентский государственный юридический университет.

12.00.09 – Уголовный процесс. Криминалистика; оперативно-розыскная деятельность;  
судебная экспертиза.

[muslimaerkinovaaa@gmail.com](mailto:muslimaerkinovaaa@gmail.com) +998 90 005 53 33

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20759888>

**Аннотация.** В тезисах рассматривается практическая эффективность двух взаимодополняющих механизмов обеспечения законности дознания — прокурорского надзора и судебного контроля. На основе анализа структуры актов прокурорского реагирования за 2020–2023 годы и судебного контроля, осуществляемого в порядке статьи 242 УПК Республики Узбекистан (санкционирование заключения под стражу), выявляется системный разрыв между формально-количественными показателями надзорно-контрольной деятельности и реальной защитой прав участников досудебного производства. Обосновывается переход от количественных к качественным критериям оценки эффективности надзора и контроля.

**Ключевые слова:** прокурорский надзор, судебный контроль, дознание, акты прокурорского реагирования, заключение под стражу, статья 242 УПК, процессуальные гарантии, обвинительный уклон, эффективность надзора.

### 1. Постановка проблемы: два контура гарантий законности дознания

Дознание как ускоренная форма досудебного производства обеспечивается в Республике Узбекистан двумя институционально различными механизмами охраны прав личности: прокурорским надзором, исторически выступающим основной формой обеспечения законности, и судебным контролем, введённым в ходе судебно-правовой реформы и связанным прежде всего с санкционированием мер процессуального принуждения. Передача с 1 января 2008 года полномочия по санкционированию заключения под стражу от прокурора к суду рассматривалась как принципиальное усиление гарантий неприкосновенности личности.

Однако спустя более полутора десятилетий вопрос о практической эффективности обоих механизмов сохраняет дискуссионный характер: внешняя активность надзора и контроля, выражаемая в количестве вынесенных актов и удовлетворённых ходатайств, не обязательно тождественна действительной защищённости прав подозреваемого.

Центральный исследовательский вопрос настоящих тезисов состоит в том, измеряют ли существующие показатели надзорно-контрольной деятельности её результат — восстановление и защиту нарушенных прав, — либо лишь её процесс, то есть сам факт реагирования.

### 2. Анализ актов прокурорского реагирования (2020–2023 гг.)

Прокурорский надзор за дознанием реализуется через систему актов реагирования, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством и Законом Республики Узбекистан «О прокуратуре»: указания дознавателю, постановления об отмене незаконных решений, требования об устранении нарушений закона, протесты и представления.

Анализ совокупности этих актов за период 2020–2023 годов целесообразно проводить по двум измерениям — количественному (динамика числа актов соответствующего вида) и качественному (содержательная направленность выявленных нарушений).

Качественная структура реагирования обнаруживает устойчивую закономерность: преобладание актов, реагирующих на процедурно-технические и учётно-регистрационные нарушения (несоблюдение процессуальных сроков, неполнота материалов, дефекты регистрации сообщений о преступлениях, нарушения учётной дисциплины), над актами, непосредственно направленными на защиту прав подозреваемого и потерпевшего (обеспечение права на защиту, недопустимость доказательств, незаконность задержания).

*[Здесь автору следует привести собственные эмпирические показатели за 2020–2023 гг.: долю каждого вида актов и удельный вес нарушений, затрагивающих права личности.]*

Вторая закономерность — преимущественно реактивный, а не упреждающий характер надзора: акт реагирования следует за уже совершённым нарушением, тогда как превентивная функция надзора реализуется ограниченно. В результате количественный рост актов реагирования может отражать не повышение качества надзора, а сохраняющийся высокий уровень нарушений при дознании, что само по себе свидетельствует о пределах эффективности данного механизма.

### **3. Судебный контроль в порядке статьи 242 УПК: количественные и качественные показатели**

Статья 242 УПК Республики Узбекистан регламентирует применение меры пресечения в виде заключения под стражу, санкционируемого судом. Именно в этой процедуре судебный контроль за досудебным производством проявляется наиболее концентрированно, поскольку речь идёт об ограничении конституционного права на свободу и личную неприкосновенность. Количественным индикатором эффективности здесь выступает соотношение заявленных и удовлетворённых ходатайств о заключении под стражу, а также доля отказов и применения альтернативных мер пресечения.

Высокая доля удовлетворения ходатайств органов уголовного преследования, характерная для судебного санкционирования в постсоветских правовых порядках, ставит вопрос о содержательном, а не формальном характере судебной проверки. *[Автору рекомендуется привести конкретные показатели удовлетворяемости ходатайств и удельный вес альтернативных мер по данным судебной статистики за 2020–2023 гг.]*

Качественный анализ выявляет ряд ограничений судебного контроля на данной стадии: рассмотрение ходатайства преимущественно по материалам, представленным стороной обвинения; ослабленная состязательность и фактическое неравенство сторон; проверка главным образом формальных оснований (тяжесть обвинения, наличие постановления) при недостаточной оценке достаточности данных, обосновывающих причастность лица и невозможность применения более мягкой меры. В этих условиях судебная санкция рискует превратиться из инструмента контроля в процедуру легитимации решения, уже принятого органом расследования.

### **4. «Разрыв» между формальным надзором и реальной защитой**

Сопоставление двух механизмов позволяет сформулировать центральный тезис: и прокурорский надзор, и судебный контроль за дознанием производят преимущественно показатели активности — число вынесенных актов реагирования и число

санкционированных мер пресечения, — которые не конвертируются автоматически в показатели результата, то есть в действительное восстановление нарушенных прав. Этот разрыв обусловлен тремя факторами: формализмом оценки (количество актов и санкций принимается за меру эффективности); реактивностью реагирования (надзор следует за нарушением, а не предупреждает его); и сохраняющимся обвинительным уклоном, при котором и надзор, и контроль тяготеют к поддержанию позиции органа уголовного преследования.

Методологический вывод состоит в том, что используемые показатели измеряют процесс надзорно-контрольной деятельности, но не её правозащитный результат.

Эффективность, оцениваемая числом актов и санкций, является мнимой; подлинная эффективность должна измеряться долей реально восстановленных прав, удельным весом отказов в незаконном принуждении и снижением уровня нарушений при дознании.

### **5. Выводы и предложения**

1. Перейти от количественных к качественным критериям оценки эффективности прокурорского надзора и судебного контроля, закрепив в качестве ключевого показателя долю реально защищённых и восстановленных прав участников дознания, а не число вынесенных актов и санкций.

2. Усилить состязательность и реальное равенство сторон при рассмотрении судом ходатайств о заключении под стражу в порядке статьи 242 УПК, обеспечив содержательную проверку достаточности данных и обязательное мотивированное обоснование невозможности применения альтернативной меры пресечения.

3. Сместить акцент прокурорского надзора с реактивного на упреждающий, ориентируя акты реагирования прежде всего на защиту прав личности, а не на устранение процедурно-технических дефектов.

4. Рассмотреть возможность расширения предмета судебного контроля за дознанием за пределы санкционирования мер принуждения, что соответствует общей тенденции укрепления судебных гарантий в досудебном производстве.

### **Список использованной литературы**

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом РУз от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII) (с изм. и доп.).
2. Закон Республики Узбекистан «О прокуратуре».
3. Конституция Республики Узбекистан.
4. Постановления Пленума Верховного суда Республики Узбекистан по вопросам применения мер пресечения и судебного контроля в досудебном производстве.